

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-31

doi: 10.17223/19986645/93/8

«Князь Серебряный» А.К. Толстого как «роман о Ермаке»: к проблеме умолчанного сюжета

Кирилл Владиславович Анисимов^{1,2}

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия

² Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
^{1,2} kianisimov2009@yandex.ru

Аннотация. На примере «исторического рассказа» Е. Самойлова «Атаман-Кольцо, или Посольство к царю Иоанну Грозному» (1899), являющегося лубочной переделкой «Князя Серебряного» А.К. Толстого, показано, насколько существенную роль в поэтике текста, принадлежащего перу «старшего» классика, играет сюжет о Ермаке, суверенизированный писателем-подражателем. В статье разьяснены причины скрытой двусюжетности романного повествования (история князя Серебряного / история покорения Сибири), раскрыты смысловые переключки между главным героем и Ермаком, известный нарратологам сюжет о взаимодействии героя с агрессором исследован в перспективе национально-русских поведенческих практик «ухода» и «вручения себя», а также в сопоставлении с европейскими тактиками «антиподчинения».

Ключевые слова: Ермак, лубочная проза о Ермаке, А.К. Толстой, роман «Князь Серебряный», «Атаман-Кольцо, или Посольство к царю Иоанну Грозному» Е. Самойлова

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>

Для цитирования: Анисимов К.В. «Князь Серебряный» А.К. Толстого как «роман о Ермаке»: к проблеме умолчанного сюжета // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 93. С. 147–166. doi: 10.17223/19986645/93/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/93/8

Aleksey Tolstoy's *Prince Serebrenni* as a “novel on Yermak”: The problem of a silenced plot

Kirill V. Anisimov^{1,2}

¹ Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russian Federation

² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
^{1,2} kianisimov2009@yandex.ru

Abstract. Exemplifying the “historical tale” by E. Samoilov “Ataman-Koltso, or the Embassy to Czar Ivan the Terrible” (1899), a popular fiction remake of Aleksey Tolstoy’s *Prince Serebrenni*, the article demonstrates how significant the role of motifs related to Yermak was in the poetics of a novel written by a “senior classic” and then extracted out of his text and rearranged by a “wannabe” writer Samoilov. The article investigates the roots of *Prince Serebrenni*’s narrative double-plot structure (story of the main hero and information on the conquest of Siberia), reveals linkages between the main hero and Yermak, analyses the plot on aggressor vs. hero interaction, familiar to narratologists, in the perspective of behavioral practices peculiar to the Russian culture – e.g., “departure” and “self-giving”, also taking into account their European analogies, such as tactics of “antissubordination” (Michel de Certeau). The problem of the plot structure of the novel *Prince Serebrenni* lies in the ambiguity of the main story on which the composition rests. The reader, however, may not immediately identify the device: obviously, the phenomena of “text within text” (Yuri Lotman) or a clearly expressed double-plot construction subordinated to rhetorical and didactic tasks, as in *Anna Karenina*, cannot be seen in *Prince Serebrenni*. The events conveyed by Tolstoy belong to the same epoch and are given in a continuous chain. However, attention is drawn to the image of Ivan Koltso, which appears in the plot under the name of Ivan Persten’. The hero is important both as an intradiegetic narrator who provides readers with data about Yermak and as a figure to whom the author imparts a certain metatextual energy – the ability to compose and perform as a jester. It is the image of Ivan Koltso that the compiler writer E. Samoilov focuses attention on. At the same time, it is worth mentioning that Samoilov’s reworking of Tolstoy’s novel became possible only because the latter is based on a covertly dual basic story. In other words, the simplified remake indicates a significantly more complex poetic nature of the original. What is openly given in Samoilov’s naive opus as a triad of acting, “living” characters, Tolstoy presents in the form of a somewhat “shifted” triangle, one of whose “vertices” (Yermak) is overshadowed, and Yermak is not listed among the fabula personages. The hidden likening of Prince Serebrenni to Yermak provided by Tolstoy has a complex narrative and cultural-historical nature. The structuralist approach to plots of this type (Claude Bremond) implies two options for the development of events: *resistance* or *escape*. The Russian 16th-century culture adds a third option – a *departure*. The narrative possibilities of the latter were discovered by science in the post-structuralist period (Michel de Certeau). The departure is represented by more or less self-willed “withdrawal” of the hero from the center of authority, and his attempt to flee on the far periphery of a huge state that constantly wages wars on its borders, i.e., the desire to combine service to the state as a generalized historical subject with independent personal choice. Yermak’s fate was of that type. It is precisely this typological background that can be seen in the poetics of Prince Serebrenni’s artistic image. The article compares the options of departure taken by different characters (Serebrenni, Maxim Skuratov, Yermak).

Keywords: Yermak, lubok fiction on Yermak, Aleksey K. Tolstoy, novel “Prince Serebrenni”, “Ataman-Koltso, or the Embassy to Czar Ivan the Terrible” by E. Samoilov

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>

For citation: Anisimov, K.V. (2025) Aleksey Tolstoy’s Prince Serebrenni as a “novel on Yermak”: The problem of a silenced plot. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 93. pp. 147–166. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/93/8

В массиве «народных» сочинений XIX в. о походе Ермака¹ выделяется одно – являющееся переработкой романа А.К. Толстого «Князь Серебряный» (1862). Оно принадлежит перу Евгения Самойлова, авторство которого само по себе плод библиографических разысканий, так как титульный лист «исторического рассказа» «Атаман-Кольцо, или Посольство к царю Иоанну Грозному» (М., 1899) подписан инициалом «Ев. С-в» и расшифровывается только с помощью специальных указателей (см.: [3. С. 41]).

Формирующаяся с середины XIX в. массовая словесность нередко прибегала к заимствованиям из складывавшегося тогда же классического канона, однако случаи почти полной «перелицовки» источника, переименования его на иной лад, в угоду какому-то стороннему запросу со стороны публики, сравнительно редки, а подобные прецеденты заставляют поднять вопрос о рецептивной влиятельности взятого за образец текста, чья система художественных приемов вызвала желание кардинально его изменить. То, что у «старшего» классика многозначительно «не договорено», оставлено в виде слабо различимого намека, минус-приема, то в «низовой» беллетристике подлежит бесцеремонной экспликации, развертыванию в виде наивно, но зато полно проговоренной социально-исторической программы. Другими словами, наличие у романа, созданного крупным автором, историко-литературной «пары» в виде лубочного опуса может не только уточнить алгоритм изготовления массовой печатаной продукции, но прояснить что-то важное в смысловой структуре самого копируемого образца.

* * *

Проблемой сюжетного устройства романа А.К. Толстого «Князь Серебряный» является двусоставность основной истории, на которой держится композиция. Читатель, впрочем, не сразу может опознать прием: понятно, что «переплетения двух самостоятельных текстов» [4. С. 158] в духе «Мастера и Маргариты» или четко выраженной двусюжетной конструкции, подчиненной риторико-дидактическим задачам, как в «Анне Карениной», усмотреть в «Князе Серебряном» невозможно. Действительно, освещаемые события принадлежат к одной эпохе (завязка точно отнесена к июню 1565 г.), даны непрерывной цепью от первого столкновения главного героя с опричником (1565 г. – начало семилетия опричнины) до отправки князя Никиты Романовича Серебряного на границу в район Жиздры, где след героя теряется – лишь много лет спустя становится известно, что он погиб. Фабула завершена, однако сюжет словно «переливается» через «края» тесной для него фабулы. Противовесом финалу судьбы героя становится яркая сцена приезда к Ивану Грозному посольства от покорителя Сибири Ермака,

¹ Исследователи популярной словесности насчитывают по данным дореволюционного каталога РНБ 37 произведений о Ермаке, 29 – о Петре I и 5 – об Иване Грозном (см.: [1. Р. 41. Примеч. 15]). Ранее В. Сиповский насчитал «свыше 50 различных лубочных повестей и романов, посвященных Ермаку» (см.: [2]).

отправившего своего ближайшего атамана Ивана Кольца в столицу с известием о победе над Кучумом.

Именно здесь наблюдаем своего рода «замок» (по аналогии с сонетным замком) всей повествовательной конструкции. Соратник Ермака Иван Кольцо – это действовавший в романе с самого начала разбойник Иван Перстень, изменяемое прозвище которого дает автору возможность оснастить свое произведение прецедентами словесной и композиционной игры, вполне ожидаемой от одного из создателей Козьмы Пруtkова¹. На первых страницах Перстень выручает князя советом не предавать скорой казни опричника Хомяка и тем самым спасает героя от неминуемого царского гнева. А в последней главе, вернув себе имя Ивана Кольца, он поднимает поминальную чашу за давно умершего героя. Так *кольцо* оказывается двояко направленным концептом, намекая и на *кольцеобразную* композицию (в терминах нарратологии – «обрамляющую историю» [7]²), и, вместе с почти синонимическим *перстнем*, помещаясь в ближайшем соседстве с именем главного героя (ср. ожидаемые словесные пары: **серебряное кольцо*, **серебряный перстень*) и названием всего романа как следом авторского присутствия.

Не менее примечательным ходом А.К. Толстого делается включение Ивана Кольца в метаописательную программу, также обращенную к автору. Буквально на первых страницах устами слуги Михеича отмечается необычный язык (воровской жаргон) Перстня и его спутника Коршуна: «...а я слышал, как они промеж себя поговаривали черт знает на каком языке, ни слова не понять, а кажись, было по-русски!» [9. С. 172]. Благодаря умению «плести словеса» одновременно в фольклорном ключе, а также, если помнить о биографическом авторе, в стилистике все того же Козьмы Пруtkова, Иван Кольцо делается участником одного из ключевых событий фабулы. Желая освободить из темницы князя Серебряного, соратник Ермака рекомендует себя Грозному как народный сказитель, новый Даниил Заточник, способный развлекать монарха своим искусством. Инсценировка парадигмальной для отечественной культуры и хорошо известной А.К. Толстому ситуации «поэт и царь»³ здесь налицо.

Любопытно, что образ связанного с Сибирью героя формирует в романе настолько сильный центр притяжения, что со временем в поле экспериментальных и подражательных сочинений делается попытка суверенизировать Ивана Кольца и превратить его в главного героя. Именно такую перестановку наблюдаем в одном из «низовых» сочинений на тему похода за Урал –

¹ В этом ключе о поэтике А.К. Толстого см.: [5]. Многозначность кольца как образа, способного метафоризировать многие процессы, подчеркнута в самом первом афоризме Козьмы Пруtkова: «Обручальное кольцо есть первое звено в цепи супружеской жизни» [6. С. 121].

² См. давнюю догадку о символике имени Ивана Кольца: [8. С. 66].

³ Концептуально А.К. Толстой представит ее в своих поздних балладах. См.: [10].

названной выше повести Е. Самойлова, являющейся по отношению к роману А.К. Толстого образцом фан-фикшн: сюжет «большой» литературы перехвачен автором-выходцем из другой социальной среды, приспособлен к ее запросам, а персонажная система изменена так, чтобы на передний план вывести личность «из народа», а не представителя старой аристократии. То есть сравнительно с произведением А.К. Толстого князь Серебряный и Иван Перстень меняются здесь местами¹.

С самого начала князь показан безропотной жертвой, а Иван Кольцо – активно действующим протагонистом. Вслед за единственным эпизодом, где, как и у А.К. Толстого, князь Серебряный сражается с опричниками, приходит известие о его заточении в темницу. Это событие занимает центральное место в фабуле и помогает Е. Самойлову, автору-компилятору, на свой лад реорганизовать толстовский сюжет, точно и пропорционально соотнося Ивана Кольца как с Ермаком, так и с героем, заимствованным у «старшего» писателя. Ранее знакомство Ивана с будущим покорителем Сибири состоялось, когда последний в одиночку грабил купеческий корабль. Более поздняя встреча с князем также приурочена к схватке, но на сей раз с опричниками. Впоследствии вытесненный с Волги и орудующий неподалеку от Александровской слободы Иван Кольцо хотел бы вернуться назад к Ермаку. «Все нравилось в Ермаке Перстню: и отвага, и храбрость, и даже самая наружность Ермака. Любимою мечтою Перстня теперь было вновь вернуться в шайку Ермака, где он готов скорее был быть простым разбойником, нежели атаманом в своей шайке» [12. С. 75]. Однако полученная Иваном дурная весть о пленении его нового друга князя Серебряного побуждает главного героя освободить узника, каковую попытку освобождения Самойлов воссоздает точно по трафарету А.К. Толстого, делая Перстня и Коршуна сказочниками-лицедеями, обманом проникающими в царские палаты. «Ну, как хочешь, а я пойду, – говорит Иван засомневавшемуся было Коршуну, – потому что помню, что князь освободил нас с тобой от лютых пыток и от виселицы!» [12. С. 77]. Ермак – патрон Кольца на Волге. Князь Серебряный, вызволивший казака из рук опричников, – патрон в Москве. Глазами Ивана Кольца повествователь показывает центр и дальнюю периферию огромного государства, равно соотносит, «закольцовывает» две его главные социальные силы – условно «народную» и «барскую».

Ценность приведенных примеров для понимания «Князя Серебряного» заключается в том, что подобная «демократическая» переработка толстовского романа стала возможной только по причине отмеченной нами двусоставности самой его базовой истории. Иначе говоря, упрощенный ремейк стал индикатором существенно более сложного устройства оригинала. Не будь в романе упоминаний о Ермаке, не явись рядом с князем Никитой Серебряным, персонажем вымышленным, Иван Кольцо, под маской

¹ Видимо, случай Е. Самойлова был не единственным. Исследователи отмечают популярность романа Толстого «в переработках для народного чтения и в лубочных изданиях» [11. С. 87].

Перстня – трикстер, а без нее – фигура эпико-героическая, достоверная, референциальность («референциальная иллюзия» [13. С. 123, 132]¹) которой сильнее, чем даже у главного героя, приведенная сюжетная переакцентировка не могла бы состояться в принципе. То, что в наивном опусе Самойлова открыто дано как триада действующих, «живых» персонажей, то у А.К. Толстого выполнено в виде несколько «сдвинутого» треугольника, одна из «вершин» которого (Ермак) уведена в тень – в числе действующих лиц фабулы Ермак не значится. Почему?

Для начала перед тем, как сформулировать проблему, проследим за «дрейфом» главного героя к содержательно-историческому полюсу Ермака и теме завоевания Сибири. По-видимому, решающее значение здесь имеет временное превращение Никиты Романовича из лояльного царского слуги в атамана разбойничьей дружины («разбойничий воевода» [9. С. 420]), которая восстала после потери Коршуна и двусмысленной на взгляд разбойников, дружбы Перстня с князем (гл. 24 «Бунт станичников»). Перстень низложен, а князь Серебряный возведен в атаманы с обещанием идти на Александровскую слободу. В литературном смысле перед нами завязка сюжета в духе пушкинского «Дубровского»². В историческом – один из рядовых эпизодов будущей Смуты 1604–1613 гг. Бунт, однако, вовремя остановлен. Приведенный пленный степняк-татарин, ограбивший, как выясняется, церковь, возжигает в станичниках чувства мести и патриотизма, чем умело пользуется Серебряный, который в нужный момент сумел завладеть всеобщим вниманием и направить *внутренний* мятеж на *внешнего* врага. Сцена оканчивается бурным излиянием верноподданнических чувств и восклицаниями «Да сгинут все враги святой Руси и православной Христовой веры!» [9. С. 340]. И вот в момент приготовлений к битве следует решающий монолог Перстня, обращенный к его другу:

Князь <...> смотрел я на тебя и думал: эх, а жаль, что не видит его один низовой молодец, которого оставил я на Волге! Хоть он и худой человек, почитай мне ровня, а полюбил бы ты его, князь, и он тебя полюбил бы! Не в обиду тебе сказать, а схожи вы нравом. Как заговорил ты про святую Русь да загорелись твои очи, так я и вспомнил Ермака Тимофеича. Любит он родину, крепко любит ее, нужды нет, что станичник. Не раз говаривал мне, что совестно ему землю даром бременить, что хотелось бы сослужить службу родине. Эх, кабы теперь его на татар! <...> Похож ты на него, ей-богу похож, Никита Романыч, не в укор тебе сказать! [9. С. 342].

Остальная биография князя Серебряного представляет собой, с одной стороны, перелицовку сюжета о Ермаке, известного А.К. Толстому по классическому рассказу Карамзина в IX томе «Истории», а с другой – предвос-

¹ О мерцании за образом Серебряного исторической фигуры кн. Н.Р. Захарьина-Юрьева см.: [11. С. 104].

² О параллели князь *Серебряный* / *Дубровский* см.: [14. С. 552].

хищает многочисленные сочинения «народной» литературы XIX в., посвященной казачьему вождю¹. Так, общая ситуация возвращения успешного побывать вожаком разбойников беглеца с повинной (гл. 36 «Возвращение в слободу») восходит к решению Ермака искупить свою вину перед Иваном Грозным. Карамзин определил это деяние как шаг от «худой» к «доброй» «славе», как стремление «отвергнуть ремесло, недостойное Христианских витязей, быть не разбойниками, а воинами Царя Белого...» [16. С. 379, 381].

Кроме того, у А.К. Толстого приход князя, который отныне «был опальный государев, осужденный на смерть» [9. С. 407], напоминает судьбу карамзинского Ивана Кольца, которого историограф не просто включил в число «буйных Атаманов Волжских», но о котором, единственном (не о Ермаке, Матвее Мещеряке, Никите Пане и др.), специально сказал, что он «осужден[] Государем на смерть» [16. С. 380]. В свою очередь, обращение князя Никиты Романовича за посреднической поддержкой к Борису Годунову («...вошедший слуга доложил, что у крыльца дожидается князь Никита Романович Серебряный. Годунов при этом имени в удивлении встал со скамьи» [9. С. 407]) далее откликнется в ряде сюжетов массовой беллетристики, став, по-видимому, сценой-образом. О том, что Ивана Кольца, отправленного Ермаком в Москву, встречает именно Борис Годунов, читаем у Е. Николаевой в романе «От плахи – к почести» (1891); в анонимном сочинении «Казачий атаман Ермак Тимофеевич, или Покорение Сибирского царства» (1899); у Д.С. Дмитриева в романе «Ермак и Сибирь» (1901) и др. [17. С. 575; 18. С. 323; 19. С. 145].

Последовавший у А.К. Толстого далее разговор князя Серебряного с Годуновым принципиально важен. В нем царедворец и сам будущий правитель производит ловкую подмену: по его мнению, чем противиться монарху, лучше идти войной на иноплеменников. «А до того, – ответил Годунов, не желая сразу настаивать на мысли, которую хотел заронить в Серебряном, – до того, коли царь тебя помилует, ты можешь снова на татар идти; за этим дело не станет!» [9. С. 409]. Подсказками читателю автор стремится вывести этот обмен мнениями из повествовательной рутины, лишь «обволакивающей» главное действие: разгром татарского войска Серебряным и Перстнем состоялся под Рязанью – в месте, откуда в декабре 1237 г. монголы, взяв город штурмом и полностью его уничтожив, вторглись в пределы Руси, положив начало 243-летнему игу. Двойной намек на покорение русских земель азиатами в XIII в. и победу, одержанную в конце XVI в. над Сибирским ханством, самым восточным оплотом чингизидов; первые годы исторической катастрофы и последний удар по много-сотлетнему врагу, нанесенный дружиной Ермака, – вот ориентиры А.К. Толстого-романиста, очень близкие к его же преисполненной разных фобий Востока программе, изложенной в цикле исторических баллад.

В конце этого краткого разбора подчеркнем главное: переадресация протестной силы с бунта «бессмысленного и беспощадного» на общенациональ-

¹ Об их корпусе в составе массовой словесности XIX в. см.: [15. Р. 439. Указатель].

ное дело – одновременно и содержательное ядро биографии Ермака (ср. у Карамзина: «...малочисленная шайка бродяг, движимых и грубою алчностью к корысти, и благородною любовию ко славе, приобрела новое царство для России»; «...Отечество благодарное давно изгладило имя разбойника пред Ермаковым» [16. С. 370, 407]), и основной смысл той историософии, в координатах которой создан в том числе и роман А.К. Толстого. Можно ли говорить об этой историософии как о художественном конструкте, о поэтике?

* * *

Представленные выше предварительные наблюдения позволяют сформулировать проблему. Отмеченная нами сюжетная вариативность для науки не нова. Явления такого рода известны аналитикам повествовательных структур еще с 1960-х гг. Ср. у Клода Бремона: «...событие воздействует сразу на двух агентов, движимых противоречивыми интересами: ухудшение участи одного из них совпадает с улучшением судьбы другого» [20. С. 114]. И еще ближе к нашему случаю:

Для жертвы агрессии существует две возможности – отдаться на волю судьбы или защищаться. Если она выбирает второе, то имеющиеся в ее распоряжении способы защиты группируются по трем стратегическим направлениям: во-первых, она может прекратить любые сношения с агрессором, скрыться вне пределов его досягаемости, т.е. *спастись бегством*; во-вторых, она может вступить с агрессором в сношения, но попытаться превратить враждебные отношения в мирные, т.е. *вступить в переговоры*; наконец, она может принять вызов, вступив во враждебные отношения, но отвечать ударом на удар, т.е. *давать отпор* [20. С. 131–132].

В романе А.К. Толстого и повести его переработчика-компилятора Е. Самойлова видим ярко реализовавшееся историко-культурное правило, которым, собственно, и обусловлено наблюдаемое варьирование. Если из предложенного К. Бремоном перечня альтернатив изъять ненужное и явно препятствующее всякой наррации решение «отдаться на волю судьбы», то три оставшихся варианта будут актуальны.

В конкретно-политических реалиях России XVI в. позиция «вступить в переговоры» была упразднена Иваном Грозным, окончательно отказавшимся от договорного характера отношений с княжеско-боярской аристократией¹. Однако другие перспективы, «давать отпор» и «спастись бегством», очевидно направляют сюжет романа. Два эти полюса, впрочем, неравнозначны: тема прямолинейного и непосредственного «отпора», т.е. бунта, не очень увлекает биографического автора – и в исторических балладах, и в «Князе Серебряном» А.К. Толстого больше интересует фигура гордого аристократа, а не условных Разина или Пугачева. Впрочем, отказ от темы нельзя понимать механистически – как безразличие и производную от

¹ Идеологическая программа Грозного имела мощный культурно-религиозный фундамент и, разумеется, не была изобретена царем лично. См.: [21].

нее смысловую пустоту. Напротив, как показал А.С. Немзер, нити интертекстов увязывают роман с «Капитанской дочкой», а за образом Коршуна явно маячит Пугачев [14. С. 555]. Так что перед нами скорее нарочитое умолчание – продиктованное лоялистским настроением биографического автора нежелание продолжать то, к чему уже двинулось перо.

Поведенческий алгоритм «отпора», протеста А.К. Толстым не отвергнут, но преобразен в шутовство, версии которого разместились, впрочем, в широком диапазоне: от самонадеянного, но безуспешного авантюризма (Коршун и Иван Кольцо как скоморохи-лицедеи при дворе) до высокого трагизма (обряженный Грозным в шутовские лохмотья и в них обличивший царя боярин Морозов).

Важно отметить, что переход к следующей позиции «спасения бегством» совершается не как бросок через семантический вакуум к противоположному полюсу антитезы, а как плавное движение с использованием связующего звена. Таковым в нашем случае является Коршун: в авантюрную программу «бегства» он включен благодаря фабульной привязке к Ивану Кольцу, заодно с которым персонаж действует, между тем как скоморошество при встрече с Иваном IV и далее в царских палатах, а также претерпеваемая Коршуном жестокая казнь роднят его, в свою очередь, с трагическим шутком боярином Морозовым. Итак, «отпор» размещен А.К. Толстым в мотивных координатах клоунады – недаром с первых же страниц романа, как мы помним, разбойничья шайка Перстня / Кольца предстает не только военной дружиной, но и культурной общностью со своими особыми именами («У меня имя не одно <...> Покамест я Ванюха Перстень, а там, может, и другое прозвание мне найдется» [9. С. 173]), тайным разбойничьим языком и фольклором.

Французский структуралист Клод Бремон выделял сюжетную ситуацию «спасения бегством» как целостную компактную единицу. В русской культуре, однако, она принципиально разделена. Так, с одной стороны, ролевой моделью для поведения попавшего в опалу боярина XVI в. был князь А.М. Курбский, который бежал к королю Сигизмунду в 1564 г. и вскоре присоединился к польским войскам, действовавшим на фронтах Ливонской войны в районе Полоцка. Поступок Курбского (но не сама его личность!) был сурово осужден Карамзиным в «Истории». Порицания не просто беглеца, но предателя Курбского регулярно, в разных контекстах звучат и на страницах романа А.К. Толстого (см. ниже).

Другая разновидность «бегства» – более или менее самовольное «удаление» от властного центра, попытка скрыться на дальней периферии огромного и постоянно воюющего на своих границах государства, т.е. стремление совместить воедино служение ему как обобщенному историческому субъекту и независимый личный выбор. Такой была судьба Ермака. Весьма прощательно, отталкиваясь от того же источника, что и А.К. Толстой, т.е. от карамзинской «Истории», две эти разновидности «бегства» наметил еще К.Ф. Рылеев, почти одновременно создавший в 1821 г. соотнесенные друг с другом «думы» «Смерть Ермака» и «Курбский». Первую отличала развитая

повествовательность балладного типа, вторая представляла собой монолог и была снабжена подзаголовком «элегия». Рылееву в побеге Курбского (при всех подразумеваемых политических симпатиях к опальному князю, каковые в немалой степени присущи и Карамзину – автору IX тома «Истории») видится тем не менее пресечение подлинной событийно насыщенной биографии, прекращение жизни после бегства, разделение ее на «до» и «после» – отсюда элегизм как рефлексия потери. Судьбу Ермака поэт, напротив, показал чередой подвигов и искуплением грехов, т.е. длящимся событийно насыщенным становлением: не горьким воспоминанием, которому предается «уединенная» личность (случай Курбского), а преодолением препятствий и итоговой победой, запечатленной в народной памяти.

* * *

«Французская теория» откроет социокультурную программу такого «побега» после расставания со структурализмом, но сделает это, разумеется, не на материале русских исторических нарративов. Тем не менее предложенные наблюдения и трактовки представляют немалую ценность.

Речь, в частности, идет о работах Мишеля де Серто, подход которого недавно был результативно применен И. Калининим при анализе другого феномена эпохи – самозванчества [22]. Безотносительно к тому, что центральным пунктом размышлений французского антрополога является современное дисциплинарное западное общество с его обезличенными институтами, стертыми границами между классами, урбанизацией, номадизацией и т.д. (здесь де Серто продолжает линию М. Фуко), ключевое противопоставление, с одной стороны, власти, которая прибегает к регламентирующе-волевым стратегиям, а с другой – нового субъекта, приспособляющегося к этому давлению *ad hoc*, с использованием тактики бриколажа, и утверждающего себя именно на стезе «антиподчинения» [23. С. 44], является приложимым (разумеется, с оговорками) ко многим общественным коллизиям и воспроизводящим их нарративам. Значительная роль в построениях М. де Серто отведена пространству. Понимаемое и прямо и метафорически, оно оказывается местом приложения многих частных тактик вытесняемого лица, «расчет» которого «не может опираться ни на “собственное” пространство, ни, как следствие, на границу, отделяющую другого как видимую целостность. Тактика не имеет другого места, кроме места другого. Она проникает в него фрагментарно, не завладевая им полностью и не имея возможности удерживать его на расстоянии». Тактика «не хранит то, что приобретает»; «не сохраняет то, что завоевывает» [23. С. 50, 111].

Вызывающим невольную улыбку курьезом здесь является почти полное совпадение главных событий похода Ермака (как они отражены в ключевых текстах) с критериями, предписанными этим наблюдением де Серто. Герой исторических песен, сибирских летописей, романтической поэзии и низовой беллетристики, Ермак экстерриториален и не может «опираться» ни на какое «собственное пространство»: он давно ушел с Дона, а затем вытеснен с

Волги угрозой царских экспедиционных войск. Ситуация, переданная словами песни «Ермак в казачьем кругу» как «Нам на Волге быти – / Нам на Волге всё ворами слыть, ворами слыть; / На Яик идтить нам – / На Яик-то переход велик, переход велик» [24. С. 120], восходит к решению Москвы после ее неудач в Ливонской войне обезопасить нижнее течение Волги – единственной торговой артерии, связывавшей Россию с Востоком. В этих условиях, отмечает Р.Г. Скрынников, «...казаки оказались разменной монетой. <...> Действовавших в Нижнем Поволжье атаманов объявили “ворами”, поставленными вне закона...» [25. С. 143].

«Местом другого» для Ермака становится Сибирское ханство Кучума: «Идтить, не идтить нам / На Иртыш-реку великую на сибирскую. / Мы возьмем-то в полон, / Возьмем в полон Тобольск-городок, славный город. / А как взявши город, / Пойдем к царю да поклонимся, воспоемся», – как это передано словами той же исторической песни [24. С. 121].

Наконец, Ермак «проникает» в Сибирь именно «фрагментарно, не завладевая» ею «полностью» и не «не сохраняет то, что завоевывает». Утверждение своей власти целью героя не является – с этим мотивом главных источников, повествующих о походе казаков, связаны обширные, выплеснувшиеся даже в академическую науку, дебаты о том, сделался ли Ермак в покоренном царстве «сибирским князем» или нет [26]. Итогом смелого предприятия является разгром и изгнание Кучума, однако далее поредевший отряд начинает терпеть чувствительные поражения, царское подкрепление запаздывает, а придя на помощь, несет потери от голода. После гибели Ермака остатки русских дружин эвакуируются на запад от Урала. Недаром Карамзин называет последовавшие за этим военные операции 1585 г., инициированные Борисом Годуновым уже в царствование Федора, «вторичным покорением Сибири» [27. С. 22], давая понять, что всё пришлось начинать заново.

Знаменательно, однако, что в логике де Серто пространство оказывается производителем наррации. Герой, подвигающийся на пути «антиподчинения» (т.е. не противодействия власти, а ухода от нее, своего рода «браконьерства» [20. С. 40]), склонный к тактикам как «искусству слабого» [23. С. 111], делается в своем центробежном усилии подвижной точкой для наблюдения и воспроизведения новых хронотопов. «По-гречески наррацию называют “диегезисом”, – говорит де Серто: – она устанавливает маршрут (“ведет”) и проходит сквозь (она “выходит за пределы”))» [23. С. 234].

Как представляется, эту закономерность можно распознать и в соотношении двух названных выше «дум» Рылеева (повествовательной насыщенности «Смерти Ермака» противостоит анарративность и вообще иная жанровая поэтика «Курбского»), и в известном нам беллетристическом сочинении Е. Самойлова. Ведь его повесть, поставившая в центр Ивана Кольца, «восполняет» умолчанные на страницах «Князя Серебряного» известия о соратнике Ермака, а также самым присоединением истории покорения Сибири к фабуле А.К. Толстого словно оспаривает финал основного романного сюжета и намечает потенциальное продолжение истории его главного героя, который, очевидно, если представить себе побудительный импульс

Самойлова, «мог бы поступить так», но в итоге «так за него поступили другие». Пропавшая жизнь Никиты Серебряного «продолжена» в новых пространственно-временных координатах Ермаком, с кем кн. Серебряный в тексте романа не раз сопоставлялся.

Указание на такую «пространственно» ориентированную биографию снова видим в имени Ивана Кольца. В важной сцене, где герой романа (еще Перстень) впервые знакомит своих слушателей-разбойников с легендами о Ермаке, он, намекая на себя, так расшифровывает значение своего прежнего (и будущего) прозвища. «Поймали было царские люди Кольцо, только проскользнуло оно у них промеж пальцев, да и покатилося по белу свету. Где оно теперь, сердечное, бог весть, только, я чаю, скоро опять на Волгу перекатится! Кто раз побывал на Волге, тому не ужиться на другой стороншке! [9. С. 250–251]». Этот «территориальный» компонент имени героя снова двупланов: в нем читается и судьба вечного изгоя-беглеца, перекати-поле, и широта охвата тогдашних исторических границ, *кольцеобразно* замыкающихся в опыте героя от Москвы до Волги с перспективным выходом на Сибирь. А если вспомнить военную биографию князя Серебряного, возвращающегося на первых страницах текста из Вильно и фронтов Ливонской войны, а в конце уходящего под Жиздру, на юго-запад от Москвы, то получим интегральный образ всего тогдашнего Русского государства, на топографический облик которого спроецированы биографии героев.

В разных вариациях тема «ухода» звучит в романе весьма часто, причем относится к судьбам главных фигур и обсуждается в решающие моменты их биографий. Так, к типичным героям «ухода» относится сюжетный двойник Серебряного Максим Скуратов, образ которого рассмотрен в достоевско-фрейдовской оптике конфликта с растленным кровопийцей отцом и поиска истинного братства (Максим и Никита Романович меняются нателными крестами и становятся крестовыми братьями). «...Царь нам более чем отец, а пятая заповедь велит чтить отца», – предостерегает Максима священник на исповеди [9. С. 323]. Диалог Максима с Малютой позволяет наблюдать этот двуединый фрейдовский образ «батюшки-царя», одновременно родителя, т.е. главы семьи, и властителя-монарха.

Ужели ты, Максимушка, вовсе не любишь меня? Ужели ничего ко мне в сердце не шелохнется? – Ничего, батюшка! <...> А что царь скажет, когда узнает про твой отъезд (из Александровской слободы, опричной столицы. – К.А.), коли подумает, что ты от него уехал? – От него-то я и еду, батюшка. Меня страх берет. Знаю, что Бог велит любить его, а как посмотрю иной раз, какие дела он творит, так все нутро во мне перевернется. И хотелось бы любить, да сил не хватает. Как уеду из Слободы да не будет у меня безвинной крови перед очами, тогда, Бог даст, снова царя полюблю. А не удастся полюбить, и так ему послужу, только бы не в опричниках! [9. С. 230].

Невзаимная сыновняя любовь к обоим грозным «батюшкам», тоже сюжетным двойникам, Малюте и Ивану IV, сложной сетью переключек увязывающая сюжет всего романа с темой сыноубийства (цитирование автором

песни из сюжетного блока «О гневе Грозного на сына» [9. С. 254], фабульная ситуация спасения Серебряным и Перстнем царевича Иоанна Иоанновича [9. С. 256–258]) допускает в качестве едва ли не единственно возможного рационального решения, в строгом соответствии с закономерностью, описанной М. де Серто, экстериоризацию переживания, перевод безысходной внутренней драмы в координаты центробежного порыва, социальной «вертикали» в географическую «горизонталь» – попытку установить (упрочить) контроль над рубежами исконного русского пространства. Максим присоединяется к разбойничьей дружине Серебряного и вскоре гибнет, пронзенный татарской стрелой. Причем никакого допущения в предлагаемой нами концепции нет: в риторике героев и повествователя опричники однозначно уподобляются татарам, а сама опричнина – игу. «Опричники губят и насилюют земщину хуже татар. Нет на них никакого суда. Вся земля от них гибнет!» – говорит Серебряный Годунову [9. С. 252]. Чтобы противостоять вторым (супостату геостратегическому), надо уйти от первых (врагов социальных), а победу над степняками превратить в субституцию отпора внутреннему деспоту. Этот алгоритм А.К. Толстой прописывает в своем романе с точностью и вместе с тем с крайней осторожностью.

Сюжетная линия Максима Скуратова, немного упрощая, проясняет направление судьбы Серебряного. Все в той же исповеди прозвучала заимствованная из «Истории» Карамзина мысль, санкционирующая «уход», но осуждающая предательство. «Сын мой, – сказал игумен, – твоя исповедь тебя очистила. Святая церковь не поставляет тебе в вину, что ты бросил Слободу. Бежать от соблазна волен и должен всякий. Но бойся прельститься на лесть врага рода человеческого. Бойся примера Курбского, который из высокого русского боярина учинился ныне сосуд дьяволу!» [9. С. 324]. Ср. в IX томе «Истории»: «Бегство не всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного: *спасаться от мучителя*; но горе гражданину, который за тирана мстит отечеству!». «Юный, бодрый воевода <...> возложил на себя печать стыда и долг Историка вписать гражданина столь знаменитого в число государственных преступников» [16. С. 58–59].

Именно в терминах «ухода», на который князь никак не может решиться, к нему с лицемерным упреком обращается Годунов. «В теперешнее время нам только и есть, что две дороги: или делать, как Курбский, – бежать навсегда из родины, или так, как я, – оставаться около царя и искать его милости. А ты ни то, ни другое; от царя не уходишь, а с царем не мыслишь; этак нельзя, князь, надо одно из двух» [9. С. 409]. В «циническом разуме» Годунова «уход» – это только побег (о столь же одноплановом бегстве будет говорить и позднейший аналитик К. Бремон), хотя на самом деле спектр жизненно-биографических вариантов существенно шире, чем кажется придворному интригану. В одном, впрочем, будущий царь и невольный зачинщик Смуты прав: непререкаемое правило наррации гласит, что главный герой – это тот, кто пересекает границу [28. С. 229–230]. И в этой перспективе постоянное дистанцирование Серебряного от двора, чередующееся со столь

же регулярными возвращениями, делает его стратегию «ухода» несколько ущербной.

Бегству за границу в стилистике Курбского, неприемлемому в контексте ценностей, отстаиваемых А.К. Толстым, противопоставлено другое пересечение – предпринятое Ермаком. Ранее А.К. Толстого А.С. Хомяков устами одного из героев своей пьесы «Ермак» (1826), точно сформулировал эту отличительную черту мифа о победителе Кучума: «Он первой родины прешел границы / И в чуждый край помчал разбой и брань» [29. С. 160]. Типичный «герой воды», Ермак впервые появляется на страницах романа как отважный одиночка, грабящий купцов на Волге. «...Тянулось раз судишко на бечеве из-под Астрахани вверх по матушке-Волге» – этими словами начинает свой рассказ о нем Иван Кольцо [9. С. 249]. Такое качество Ермака, как своеволие, ключевой вклад в его «геройность», отразившуюся в том числе в сложной структурной «игре» с образом князя Серебряного, коренится еще в фольклоре и, как показала М.Б. Плюханова, тесно связано с мотивом воды.

Благодаря своей двузначности, внутренней конфликтности этот мотив стал максимально благоприятной почвой для образования сюжетов о неканоническом, выводящем героя за пределы норм и традиций, конфликтном образе действий. <...> Непосредственная связанность песен о тонущих богатырях с разинским циклом легко объяснима. Песни о Добрыне и Садке сохраняют связи с исходными былинами, поэтому у гибнущих богатырей сохраняется черта героизма; героизм характерен также для Ермака-Разина-Пугачева. Садко, Добрыня, вожди-атаманы как персонажи дерзновенные равно отличаются от несчастного молодца из «Повести о Горе» героическим характером своего дерзновения. Традиция гибели в воде героев разинского типа имеет свои самостоятельные истоки. В основе ее лежит сказание о гибели Ермака [30. С. 26, 28].

В этом отношении для понимания замысла романа важно не только то, что Ермак тонет под тяжестью подаренных ему царем доспехов, доказывая тем самым, на чем настаивает А.С. Немзер, безысходность жизни русского человека в условиях деспотизма [14. С. 560]¹, но само качество этого героя, упоминания о котором пунктиром прошивают всё сочинение А.К. Толстого. Справедливо другое наблюдение А.С. Немзера: своей недостаточной «геройностью» «князь Серебряный оказывается сродни Обломову (создатель которого неслучайно восхищался романом Толстого)» [14. С. 571]. Однако причислять Ермака к персонажам «обломовского» типа – очевидный нон-сенс, притом что типологический «мост» от Серебряного к казачьему атаману все-таки автором проброшен, и к оценке со стороны Ивана Кольца («Похож ты на него, ей-богу похож, Никита Романыч»), персонажа, не будем забывать, своим искусством слова весьма близкого «закадровому» повествователю, необходимо отнестись со всей серьезностью.

¹ Улавливая этот посыл А.К. Толстого, Лидия Чарская сразу же делает «своего» князя Серебряного (Петра Семеновича Серебряного-Бельского) жертвой. Опричники убивают героя уже на 50-й странице объемного романа. См.: [31. С. 50].

Определенная мера трагизма присуща обоим героям, фабульному и внефабульному, но вот их поведение на сцене исторической трагедии различно. Если в романе все его действующие лица буквально никнут перед лицом Грозного, который держит в своих руках струны интриги и на самом деле, как никто другой, движет фабулу (ср.: «Иоанн пристально посмотрел на Басманова, который зашатался под этим взглядом» [9. С. 390]), то Ермак и действует самостоятельно, и, как это ни удивительно, способен на такой же властный, царственный взгляд. «Да похож на молодца: голова кудластая, борода черная, сутуловат маленько, лицо плоское, да зато глаза посмотреть – страх!» – говорит о нем Кольцо [9. С. 250].

Обыгрывание «грозы» Ермака, апроприация символической характеристики Ивана IV, опробованные Карамзиным («Грозный, неумолимый Ермак...» [16. С. 390]), не поддержанные «высокой» литературой, но зато успешно освоенные массовой беллетристикой (ср. название романа Л. Чарской «Грозная дружина» 1909 г.), – всё это аргументы в пользу наделения Ермака особой харизмой, несомненную чувствительность к которой проявил А.К. Толстой. Предводитель волжских «станичников», фигура, ничем не обязанный ни старой аристократии с ее местническими предрассудками и болезненным отношением к фамильному престижу (причина катастрофы боярина Морозова), ни «новым людям» в лице опричников, Ермак А.К. Толстого предстает одновременно «улучшенной» версией Серебряного, по рукам и ногам связанного условностями своего статуса и происхождения, и негласной альтернативой самому царю.

Позволим себе предположить, однако, что если бы Ермак оказался «в кадре», как его субституция Иван Кольцо, харизма опрометчиво «воплощенного» героя была бы существенно подорвана. О покорителе Сибири читатель всякий раз узнает с чужих слов – как о личности легендарно-эпической. Тонкая сеть соответствий между ним и царем сплетена автором в последней главе – решающей для всего этого аналитического экскурса.

Так, несколько изменяя источники, А.К. Толстой решает сделать получателем первого царского подарка Ивана Кольца. Ему Грозный отдает свою шубу. «А чтоб и ты, господин советчик, не остался без одежды, жалую тебе шубу с моего плеча! По знаку царя два стольника принесли дорогую шубу, покрытую золотой парчой, и надели ее на Ивана Кольцо» [6. С. 439]. У Карамзина шуба была даром царя не Кольцу, а – заочным – Ермаку и приехала к ее новому обладателю вместе с вернувшимся посольством [16. С. 401]. В соответствии с летописями и трудами историков А.К. Толстой описывает передачу Ермаку только того самого монаршего доспеха, тоже заочную. Причем в отсутствие самого покорителя Сибири кольчуга примеривается на Митьку – дородного казака, которому панцирь оказывается мал по размеру. Из последующего разговора монарха с Митькой читатель узнает, что казак – именно тот, кто лично пленил Маметкула, лучшего военачальника хана Кучума и его родственника. И далее о плененном Маметкуле с опорой на Карамзина (но опять из уст Кольца) говорится, что Ермак отнесся к татарскому предводителю гуманно, «уж не знал, как и честить» плененного врага [9.

С. 444]. Ср. у Карамзина: Ермак «не думал о мести личной: ласкал и честил его под крепкою стражею» [16. С. 392].

Однако одна важная деталь в «Истории государства Российского» отсутствует. В романе А.К. Толстого всё тот же Иван Кольцо сообщает, что Ермак вдобавок ко всему даровал Маметкулу шубу: «...с своих плеч шубу снял и надел на царевича» [9. С. 444]. Параллель с жестом царя очевидна, но парностью деяний лишь подчеркнут контраст их вершителей. Ермак одаривает поверженного врага, *чужого*, который в глазах предводителя казаков должен превратиться в *своего*. К Ивану Грозному же *свои* приходят как *чужие* (получение шубы уподобляет Ивана Кольца пленному татарину Маметкулу), не зная, помилует их монарх или погубит.

И далее Иван Кольцо продолжил с явным намеком на Грозного: «И пошла про Ермака молва по всему краю, что под его руку сдаваться не тяжело; и много разных князьков тогда же сами к нему пришли и ясак принесли. Веселое нам было житье в Сибири <...> об одном только жалел я: что не было с нами князь Никиты Романыча Серебряного; и ему бы по сердцу пришлось, и нам вместе было бы моготнее» [9. С. 444]. Герой не смог (и очевидно, не должен был изначально) встать рядом с Ермаком: А.К. Толстой не захотел вдохновляться пушкинским сценарием «Дубровского», а также предугадывать опыты «опрощения» в исполнении его великого однофамильца. Однако альтернативу судьбе опального князя, а также иной тип организации русской жизни, противоположный Александровской слободе, А.К. Толстой наметить все же сумел.

Подведем итоги. В этой статье, посвященной прецеденту рецептивного усвоения произведения русской романистики XIX в. представителем массовой словесности, мы старались прояснить закономерности перелицовки классического образца автором-компилятором. Популярные в народной среде фигуры покорителя Сибири и его сюжетного «двойника» Ивана Кольца побудили Е. Самойлова придать такой облик заимствованному сюжету, чтобы деяние, подвиг, заметно пониженные в их значении у А.К. Толстого (проблематичная «геройность» самого князя Серебряного, «увод» известий о Ермаке из фабулы), предстали бы перед читателем во всей их исторической убедительности. Отдельной темой здесь стали причины, по которым сам А.К. Толстой решил лишь упомянуть о Ермаке, сделав, однако, «тень» от этой исторической фигуры крайне важной для понимания личности самого Никиты Серебряного. Последний, как мы старались показать, явил собой, несмотря на безысходный итог собственной судьбы, новый тип поведения и самоутверждения: не бегство (отрицательный ориентир – А.М. Курбский) и не бунт (интертексты, обращенные к «Дубровскому» и «Капитанской дочке»), а неожиданно согласующееся с практиками поведения человека XX в. «антиподчинение» (М. де Серто) – и в этом отношении Ермак предстал оптимальным образцом такого способа (само)утверждения в большой истории.

Список источников

1. *Brooks J.* From Folklore to Popular Literature: A Changing View of the Autocrat and the Empire // *Russian History*. 1987. Vol. 14, № 1–4. P. 37–46.
2. *Сиповский В.* Ермак в художественной литературе // *Сибирская советская энциклопедия* : в 4 т. Т. 1. Новосибирск, 1929. Стб. 900.
3. Указатель заглавий произведений художественной литературы, 1801–1975. Т. 1. М. : б.и., 1985. 488 с.
4. *Лотман Ю.М.* Текст в тексте // *Избр. ст.* : в 3 т. Т. 1. Таллин, 1992. С. 148–160.
5. *Пенская Е.Н.* Проблемы альтернативных путей в русской литературе. Поэтика абсурда в творчестве А.К. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.В. Сухова-Кобылина. М. : Carte Blanche, 2000. 308 с.
6. *Козьма Прутков.* Полное собрание сочинений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Я. Бухштаба. М.; Л. : Сов. писатель, 1965. 478 с.
7. *Зусева-Озкан В.Б.* Этапы эволюции обрамляющей истории в русской литературе // *Narratorium*. 2021. Вып. 15. URL: <https://narratorium.ru/2021/12/23/этапы-эволюции-обрамляющей-истории-в/>
8. *Васильев С.Ф.* О композиции романа А.К. Толстого «Князь Серебряный» // *Жанр и композиция литературного произведения : межвуз. сб.* Петрозаводск, 1988. С. 61–69.
9. *Толстой А.К.* Князь Серебряный // *Собр. соч.* : в 4 т. Т. 3. М. : Худ. лит., 1964. С. 159–446.
10. *Немзер А.С.* Последние баллады А.К. Толстого // *Немзер А.С.* При свете Жуковского: Очерки истории русской литературы. М., 2013. С. 638–660.
11. *Иванова Т.В.* Фольклор в творчестве А.К. Толстого. Петрозаводск : Изд-во КГПУ, 2004. 220 с.
12. *Самойлов Е.* Атаман-Кольцо, или Посольство к царю Иоанну Грозному: Ист. рассказ в 2 ч. М., 1899. 108 с.
13. *Компаньон А.* Демон теории. Литература и здравый смысл. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
14. *Немзер А.С.* Вальтер-скоттовский историзм, его русские изводы и «Князь Серебряный» // *Немзер А.С.* При свете Жуковского. М. : Время, 2013. С. 546–571.
15. *Brooks J.* When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, New Jersey : Princeton Univ. Press, 1988. 450 p.
16. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 9. СПб., 1821. 472 с. (1-й паг.).
17. *Николаева Е.* От плахи – к почести: Исторический роман из эпохи завоевания Сибири. СПб., 1891. 677 с.
18. *Казачий* атаман Ермак Тимофеевич, или Покорение Сибирского царства: Исторический роман : в 3 ч. М., 1899. 357 с.
19. *Дмитриев Д.* Ермак и Сибирь: Историческая повесть из времен Иоанна Грозного. М., 1901. 347 с.
20. *Бремон К.* Логика повествовательных возможностей // *Семиотика и искусствознание*. М., 1972. С. 108–135.
21. *Лотман Ю.М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // *Избр. ст.* : в 3 т. Т. 3. Таллин, 1993. С. 345–355.
22. *Калинин И.* «Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался»: Рабы, самодержцы и самозванцы (диалектика власти). Статья 1 // *Новое лит. обозрение*. 2016. № 5. С. 441–464.
23. *Серто М. де.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
24. *Народные* исторические песни / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. М.; Л. : Сов. писатель, 1962. 405 с.

25. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск : Наука, 1986. 318 с.
26. Балкашин Н.Н. Был ли Ермак пожалован в князья // Записки Зап.-Сиб. отдела Имп. Русского географического общества. Омск, 1880. Кн. 2. С. 1–12.
27. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 10. СПб., 1824. 291 с. (1-й паг.).
28. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Избр. ст. : в 3 т. Т. 1. Таллин, 1992. С. 224–242.
29. Хомяков А.С. Ермак // Хомяков А.С. Стихотворения и драмы / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Ф. Егорова. Л., 1969. 595 с.
30. Плюханова М.Б. Гибель Петра I в реке Смородине // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 604: Труды по русской и славянской филологии: Единство и изменчивость историко-литературного процесса. Тарту, 1982. С. 17–31.
31. Чарская Л. Грозная дружина: Историч. повесть. М. ; СПб., б.г. [1909]. 352 с.

References

1. Brooks, J. (1987) From Folklore to Popular Literature: A Changing View of the Autocrat and the Empire. *Russian History*. 14 (1–4). pp. 37–46.
2. Sipovsky, V. (1929) Ermak v khudozhestvennoy literature [Yermak in Fiction]. In: *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Siberian Soviet Encyclopedia: in 4 volumes]. Vol. 1. Novosibirsk: Sib. kraevoe izd-vo.
3. Anon. (1985) *Ukazatel' zaglaviy proizvedeniy khudozhestvennoy literatury, 1801–1975* [Index of Titles of Works of Fiction, 1801–1975]. Moscow: [s.n.].
4. Lotman, Yu.M. (1992) Tekst v tekste [Text within the Text]. In: Lotman, Yu.M. *Izbr. st.: v 3 t.* [Selected Articles: in 3 vols]. Vol. 1. Tallinn: Alexandra. pp. 148–160.
5. Penskaya, E.N. (2000) *Problemy al'ternativnykh putey v russkoy literature. Poetika absurda v tvorchestve A.K. Tolstogo, M.E. Saltykova-Shchedrina, A.V. Sukhovo-Kobylyna* [Problems of Alternative Paths in Russian Literature. The Poetics of the Absurd in the Works of A.K. Tolstoy, M.E. Saltykov-Shchedrin, A.V. Sukhovo-Kobylin]. Moscow: Carte Blanche.
6. Prutkov, K. (1965) *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Moscow; Leningrad: Sov. pisatel'.
7. Zuseva-Ozkan, V.B. (2021) Etapy evolyutsii obramlyayushchey istorii v russkoy literature [Stages of the Evolution of the Framing Story in Russian Literature]. *Narratorium*. 15. [Online] Available from: <https://narratorium.ru/2021/12/23/%D1%8D%D1%82%D0%B0%D0%BF%D1%8B-%D1%8D%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BB%D1%8F%D1%8E%D1%89%D0%B5%D0%B9-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8-%D0%B2/>
8. Vasiliev, S.F. (1988) O kompozitsii romana A.K. Tolstogo “Knyaz' Serebryanyy” [On the composition of A.K. Tolstoy's novel “Prince Serebrenni”]. In: *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya* [Genre and composition of a literary work]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 61–69.
9. Tolstoy, A.K. (1964) Knyaz' Serebryanyy [Prince Serebrenni]. In: Tolstoy, A.K. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Khud. lit. pp. 159–446.
10. Nemzer, A.S. (2013) Poslednie ballady A.K. Tolstogo [The last ballads of A.K. Tolstoy]. In: Nemzer, A.S. *Pri svete Zhukovskogo: Ocherki istorii russkoy literatury* [In the light of Zhukovsky: Essays on the history of Russian literature]. Moscow: Vremya. pp. 638–660.
11. Ivanova, T.V. (2004) *Fol'klor v tvorchestve A.K. Tolstogo* [Folklore in the Works of A.K. Tolstoy]. Petrozavodsk: KSPU.

12. Samoilov, E. (1899) *Ataman-Kol'tso, ili Posol'stvo k tsaryu Ioannu Groznomu. Istorich. rasskaz v 2 ch.* [Ataman-Koltso, or the Embassy to Czar Ivan the Terrible. Historical Story in 2 Parts]. Moscow: Tipo-lit. D.A. Bonch-Bruevicha.
13. Companion, A. (2001) *Demon teorii. Literatura i zdravyy smysl* [Demon of Theory. Literature and Common Sense]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
14. Nemzer, A.S. (2013) Val'ter-Skottovskiy istorizm, ego russkie izvody i "Knyaz' Serebryanyy" [Walter Scott's Historicism, Its Russian Versions, and "Prince Serebrenni"]. In: Nemzer, A.S. *Pri svete Zhukovskogo* [In the Light of Zhukovsky]. Moscow: Vremya. pp. 546–571.
15. Brooks, J. (1988) *When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press.
16. Karamzin, N.M. (1821) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. IX. St. Petersburg: V tipografii N. Grecha.
17. Nikolaeva, E. (1891) *Ot plakhi – k pochesti. Istorich. roman iz epokhi zavoevaniya Sibiri* [From the chopping block to honor. Historical novel from the era of the conquest of Siberia]. St. Petersburg: Kalashnikovskaya tipogr. A. Trunova.
18. Anon. (1899) *Kazachiy ataman Ermak Timofeevich, ili pokorenie Sibirskogo tsarstva. Istorich. roman: v 3 ch.* [Cossack ataman Yermak Timofeevich, or the conquest of the Siberian kingdom. Historical novel: in 3 parts]. Moscow: Tipo-lit. D.A. Bonch-Bruevicha.
19. Dmitriev, D. (1901) *Ermak i Sibir'. Istorich. povest' iz vremen Ioanna Groznogo* [Yermak and Siberia. Historical story from the time of Ivan the Terrible]. Moscow: Otd. tipogr. t-va I.D. Sytina.
20. Bremond, K. (1972) Logika povestvovatel'nykh vozmozhnostey [Logic of narrative possibilities]. In: *Semiotika i iskusstvometriya* [Semiotics and artmetry]. Moscow: Mir. pp. 108–135.
21. Lotman, Yu.M. (1993) "Dogovor" i "vruchenie sebya" kak arkhетipicheskie modeli kul'tury ["Contract" and "self-surrender" as archetypal models of culture]. In: Lotman, Yu.M. *Izbr. st.: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vols]. Vol. 3. Tallinn: Alexandra. pp. 345–355.
22. Kalinin, I. (2016) "On gran' khotel steret' mezh tem, chem byl i chem kazalsya": Raby, samodержitsy i samozvantsy (dialektika vlasti). Stat'ya 1 ["He wanted to erase the line between what he was and what he seemed to be": Slaves, autocrats, and impostors (the dialectic of power). Article 1]. *Novoe lit. Obozrenie*. 5. pp. 441–464.
23. Certo, M. de. (2013) *Izobretenie povsednevnosti* [The Invention of Everyday Life]. Vol. 1. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
24. Putilov, B.N. (1962) *Narodnye istoricheskie pesni* [Historical Folk Songs]. Moscow; Leningrad: Sov. pisatel'.
25. Skrynnikov, R.G. (1986) *Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka* [Siberian expedition of Yermak]. 2nd ed. Novosibirsk: Nauka.
26. Balkashin, N.N. (1880) Byl li Ermak pozhalovan v knyaz'ya [Was Yermak granted a prince]. In: *Zapiski Zap.-Sib. otdela Imp. Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the West-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 2. Omsk. pp. 1–12.
27. Karamzin, N.M. (1824) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. X. St. Petersburg: V tipografii N. Grecha.
28. Lotman, Yu.M. (1992) Proiskhozhdenie syuzheta v tipologicheskom osveshchenii [The origin of the plot in typological light]. In: Lotman, Yu.M. *Izbr. st.: v 3 t.* [Selected works: in 3 vols]. Vol. 1. Tallinn: Alexandra. pp. 224–242.
29. Khomyakov, A.S. (1969) Yermak. In: Khomyakov, A.S. *Stikhotvoreniya i dramy* [Poems and dramas]. Leningrad: Sov. pisatel'.
30. Plyukhanova, M.B. (1982) Gibel' Petra I v reke Smorodine [The death of Peter I in the Smorodina River]. *Uch. zap. Tartuskogo gos. Un-ta*. 604. pp. 17–31.

31. Charskaya, L. [1909] *Groznaya družhina. Istorich. povest'* [The formidable squad. Historical story]. Moscow; St. Petersburg: Izd. t-va M.O. Vol'f.

Информация об авторе:

Анисимов К.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия); Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.V. Anisimov, Dr. Sci. (Philology), professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russian Federation); Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.08.2024;
одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 13.01.2025.*

*Статья поступила в редакцию 22.08.2024;
одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 13.01.2025.*